

факта, что нежелание Н.В. Тимофеева-Ресовского осуждать вторжение советских войск в Чехословакию в августе 1968 г. положило конец дружбе с ним А.И. Солженицына, который больше к нему никогда не приходил и «даже не спрашивал о нём»⁸.

Сам Ж.А. Медведев посчитал необходимым написать, что хотя тогда не был согласен с Н.В. Тимофеевым-Ресовским, его не осуждал, так как тот мог по меньшей мере лишиться работы. Так же, как ее лишились некоторые другие научные сотрудники в Обнинске, одного из которых уволили только за то, что он не пришёл на собрание в институте, на котором нужно было единодушно одобрить действия советского правительства⁹. Таким образом, из воспоминаний Ж.А. Медведева читатель узнаёт не только фактологическую, но и этическую сторону былого, постигает заново или вспоминает о тех далеко не простых «проблемах выбора», которые вставали перед учёными и другими советскими, да и иностранными гражданами, и которые они пытались решить, каждый по своему разумению.

Остальной текст в основном является версией Ж.А. Медведева его отношений с А.И. Солженицыным, когда оба они оказались (второй позднее) за рубежом. Хотя Ж.А. Медведев приводит и достаточно обширные тексты последнего с его интерпретацией и оценкой этих отношений. О своей научной работе за границей Ж. А. Медведев почти ничего не сообщает, возможно, посчитав, что в воспоминаниях об А.И. Солженицыне это ни к чему.

Общий стиль воспоминаний и Ж.А. Медведева, и Р.А. Медведева несколько суховат и, так сказать, «стенографичен». Но этот стиль присущ в целом произведениям того и другого. Для кого-то это недостаток, а кому-то излишние «красивости» только портят восприятие гула всемирной истории — постольку, конечно, поскольку этот гул, слышен в том или ином тексте. В воспоминаниях Ж.А. и Р.А. Медведевых он слышен отчетливо.

**Новосибирские генетики и история генетики:
размышления над книгой С.В. Шалимова «Спасение и возрождение:
исторический очерк развития генетики
в новосибирском научном центре в годы “оттепели”»¹⁰**

В.А. ДРАГАНЦЕВ

Агрофизический институт РАСХН, Санкт-Петербург, Россия, dravial@mail.ru

Без всякого сомнения, это актуальная и нужная книга. Она посвящена короткому, но очень важному восьмилетнему периоду становления и развития одного из лучших (не только в СССР, но и в мире) генетических центров — Института цитологии

⁸ *Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* 1925–2010. Из воспоминаний. М.: Права человека; Токио: Гэндайситё-синся, 2010. С. 164.

⁹ Там же.

¹⁰ *Шалимов С.В.* Спасение и возрождение: исторический очерк развития генетики в новосибирском научном центре в годы «оттепели» (1957–1964). Новосибирск: Манускрипт, 2011. 239 с.

и генетики СО АН СССР (ныне СО РАН), объединившего практически все генетические школы СССР, как это ни странно, благодаря жестокому разгону советских генетиков в период «лысенковщины». До войны генетика нашей страны прочно доминировала на мировом уровне, но начиная с середины 1930-х и после 1948 г. практически все лучшие генетические кадры страны были уволены или репрессированы. Уцелевших собрал в новосибирском академгородке первый директор ИЦиГ СО АН академик Н.П. Дубинин, и это была достаточная критическая масса для бурного старта развития генетики в Сибири с быстрым выходом на мировой уровень.

Книга С.В. Шалимова дополняет капитальную монографию честного и мужественного В.Н. Сойфера «Власть и наука»¹¹ (2002) и другие исторические сводки и дает объективную оценку известной, но весьма субъективной книге Н.П. Дубинина «Вечное движение»¹².

Серьёзным преимуществом книги С.В. Шалимова является тщательное, даже скрупулезное, следование документам (архивам, книгам, журналам, газетам) и старательно собранным мнениям старейших сотрудников ИЦиГ и других институтов СО АН. Не будучи генетиком, автор не углубляется в нюансы этой науки, но исторические события и тонкости отношений людей описывает, строго следуя документам, а в случае наличия противоположных мнений — приводит в книге и те, и другие.

Книга С.В. Шалимова продемонстрировала всем нам огромные пробелы в истории отечественной генетики, ведь подобные исторические очерки следовало бы написать о развитии многих генетических институтов и кафедр России и стран СНГ, о многих преданных генетике людях, их принципиальности, порядочности и честном служении науке, отнюдь не за материальные блага.

За три года до выхода из печати «Вечного движения» я, будучи ученым секретарем Научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР, выпросил у Д.К. Беляева (он был председателем этого совета) деньги на покупку магнитофона, чтобы записывать воспоминания наших корифеев генетики и затем издать коллективную монографию «История советской генетики в воспоминаниях очевидцев». Тяжёлый катушечный магнитофон я возил с собой по всем генетическим центрам и просил наших замечательных ветеранов «наговорить» на него их наиболее яркие впечатления о развитии их работ, о результатах, о коллегах и помощниках. Прежде всего, я приехал в Москву к И.А. Рапопорту и Б.Л. Астаурову, с которыми у меня были очень тёплые отношения. К моему разочарованию, оба замечательных генетика отказались предаваться воспоминаниям. В ИЦиГ отказались записывать воспоминания Ю.Я. Керкис, Р.Л. Берг, З.С. Никоро и другие крупные специалисты. Тогда я попросил Д.К. Беляева записать его воспоминания, но и он (ничего не зная об отказах коллег) тоже отказался.

Когда после выхода «Вечного движения» в Звенигороде состоялся совместный пленум Научного совета по генетике и ВОГИС, осудивший книгу Н.П. Дубинина,

¹¹ Сойфер В.Н. Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. М.: Че-Ро, 2002. 1021 с.

¹² Дубинин Н.П. Вечное движение (О жизни и о себе). М.: Политиздат, 1973. 447 с.

я после дискуссии подошёл к каждому «отказнику» и сказал: «Вот если бы Вы записали свои воспоминания на мой магнитофон, то сейчас бы мы имели объективную историю нашей генетики, а сейчас у нас нет ничего, кроме „Вечного движения“». Все грустно согласились со мной.

С.В. Шалимов очень верно описывает замечательные инициативы М.А. Лаврентьева по организации первой в СССР физико-математической школы для талантливых детей из сел Сибири (1963), организацию в 1961 г. кафедры биологии на факультете естественных наук (ФЕН) НГУ, инициативы декана ФЕН В.В. Воеводского и решение сотрудников ФЕН принимать вступительные экзамены на биологические специальности не по биологии, а по физике и математике, чтобы выявить способности абитуриентов к логическому мышлению, и другие, опережающие время мудрые решения.

К сожалению, книга С.В. Шалимова не передает ту удивительную, высоконравственную атмосферу взаимоотношений учёных и их напряженного труда (ученые ФРГ и США говорили мне, что атмосфера в Академгородке такая же, как в университетах ФРГ и США, а в Москве она вся состоит из бюрократических запретов «нельзя» и жестких требований). Это вполне понятно, ведь автор книги родился в 1985 г.

В книге встречаются неточности. Так на с. 157 мне приписывается фраза: «Я тогда был учёным секретарем в Ин-те цитологии и генетики...». Это ошибка — я никогда не был учёным секретарем ИЦиГ, но учёным секретарем Научного совета по генетике АН СССР — был.

Однако небольшие некорректности не могут существенно понизить ценность книги.

Я благодарен С.В. Шалимову за нарисованный им объективный, конечно противоречивый, образ директора ИЦиГ Д.К. Беляева. Да, Беляев на учёных советах был вынужден осуждать «диссидентское» поведение Р.Л. Берг и З.С. Никоро, зная всепроникающий надзор секьюрити и необходимость выражать лояльность власти ради благополучия института и его коллектива, но никогда не позволял себе в чем-то ущемить этих двух крупнейших генетиков. Д.К. Беляев не был членом КПСС, и когда его вызвали в ЦК и сказали: «Это безобразие, что в руководстве Научного совета по генетике АН СССР нет ни одного члена КПСС (я и второй секретарь совета Э.А. Оганова были беспартийными), он сказал мне наедине: «Виктор, вступай срочно в партию, иначе нас разгонят». Я ответил: «Вы — председатель совета, поэтому Вы должны первым вступить в КПСС». Он грустно посмотрел на меня: «Ты же знаешь судьбу моего брата, я не могу вступить в партию, да и поздно уже. А ты почему отказываешься?» Я сказал: «Я не хочу, чтобы меня считали карьеристом». Он засмеялся: «Ты уже зав. лабораторией, две книги, более 100 работ в ведущих журналах, какой же ты партийный карьерист! Давай, Виктор, не дури, выручай Научный совет, вступай!» Пришлось вступить...

Книга Шалимова убедительно, выражаясь его словами, описывает «действия монополиста одной из корпоративных групп («лысенковцы») с использованием властных ресурсов и полномочий (покровительство Н.С. Хрущева). Но наряду с этим в пользу генетического сообщества работал авторитет другой группы (М.А. Лаврентьев), получившей также значительный спектр полномочий и ресурсов от институтов власти... И в данном случае модель государственного патернализма (а иной для советской науки и не существовало) явилась той защитной формой, в рамках которой состоялся (при всех его корпоративных и личностных издержках) процесс институционализации отечественной генетики на сибирской почве».